

Бегство от себя

Син Чжу

Син пил уже вторую бутылку виски. Ему принесли закуски, но он почти ничего не ел. Просто пил виски стакан за стаканом, преодолевая тошноту, как горькую микстуру, которая могла помочь забыться. Он был пьян, но этого не чувствовал. Он достал телефон и позвонил главврачу клиники Хусин. чтобы выпросить, что с Фениксом. Тот долго не отвечал, но, когда ответил, сказал, что Фэнжэню стало хуже: начался жар, подбирали другой антибиотик. Син умолял Живодера, чтобы тот спас Феникса, а тот, как заведенный, твердил одно и то же про "делаем все возможное", потом добавил, что лучше поговорить утром. Син сбросил звонок и выпил еще стакан виски, после чего поднес кулак к носу, борясь с приступом тошноты.

Он сидел в отдельном кабинете, где не так орала музыка, и не было видно толпы людей. Это было невыносимо. Он слишком много был рядом с этими людьми. Сейчас любая мысль цеплялась за "нужно бы рассказать Монголу", "Юнпо понравится", "это бы обсудить с Ёжиком". И потоки мыслей, чувств, эмоций разлетались вдребезги, врезавшись в скалу "их больше нет". Вообще нет, совсем нет, нет, и никогда не будет. Из-за него, потому что он где-то просчитался, не подумал, упустил. Не предупредил Юнпо, о чем не говорить. Не знал, как проверить, была ли засада. Потащил людей, которые не смогли отбиться, еще не были готовы. Комната перед глазами плыла, но Син чувствовал, что все еще не сможет заснуть.

Тай Чун

Строго говоря, рабочий день был давно закончен, но перед тем, как он смог уйти из офиса, пришлось зайти к лунтао, который практически никогда не уходил раньше своих людей, и выслушать пожелание забрать сяолунтао из Ванцзы и сопроводить домой, так как тот был не в состоянии сам вести машину. Тай только молча удивился - почему он должен этим заниматься, если у царевича когда-то был личный водитель и по совместительству нянька, но со старшим Лунтао, понятное дело, не спорят. Хотя это и сломало ему все планы, потому что он хотел провести вечер с Ким Чжан, а теперь пришлось позвонить ей и сказать, что он задержится по делам. Уточнять, что за дело, он не стал.

Через минут двадцать он уже подъезжал к Ванцзы и, оставив машину на обочине дороги, потому что не собирался задерживаться, вошел в здание, приветственно кивнув Ляню, которого тут сразу прозвали Сянпу, прознав, что в молодом прошлом он был сумоистом, но не стал торчать на входе. Директор Хань, доложивший лунтао про в одиночку надирающегося наследника, встретил его в зале и указал на отдельный кабинет, где заседал в тоске наследник крестного отца всея Пекине. В очередной раз помянув добрым словом большого босса, Тай мысленно попрощался с приятным вечером. Он зашел в кабинет и остановился на пороге, давая сяолунтао время сфокусировать на нем взгляд и узнать, а заодно хотел сразу узнать степень кондиции наследника.

- Давно пьешь? - спросил он, не размениваясь на приветствия, не до них было сейчас.

Син Чжу

Син налил еще виски и сделал небольшой глоток. Было отвратительно. Уже не лезло, но и не помогало. Син облокотился о стол и стал смотреть в одну точку, пытаясь просто потушить всплывавшие в голове мысли. Это было невыносимо. В таком состоянии он был готов признаться себе, что не будь он сяолунтао, не скажи ему отец о том, что рад, что он выжил, не будь у него в принципе отца, недавно пережившего инфаркт, он бы с радостью пустил себе пулю в голову, чтобы вот этого всего не чувствовать. Он был жив только потому, что его жизнь ему не принадлежала, в остальном ему было плевать, сочли бы такой поступок глупостью или слабостью.

В этот момент в кабинет кто-то зашел, и это была не очередная официантка, которые для Сина сейчас были просто пятнами красного шелка. Он поднял взгляд на парня, силясь его разглядеть и узнать, а заодно и понять прозвучавший вопрос.

- Привет, - сказал Син, узнав Чуна Тая. - Весь вечер, не знаю, сколько времени.

Было слышно, что он пьян, и пьян сильно. Син уже довольно давно не поднимался на ноги, чтобы прогуляться до уборной, потому понятия не имел, насколько способен или не способен держаться на ногах.

Тай Чун

Судя по голосу, Чжу Син был близок к тому состоянию, когда тактически вернее всего будет упасть лицом в тарелку с салатом и мирно уснуть, а не продолжать вечер. Сейчас он выглядел довольно жалко, человек, который в будущем должен был стать лунтао этой семьи. Тай относился к нему двояко. С одной стороны, он плохо знал царевича, с тех пор, как тот вернулся из просвещенных европ, он не вылезал из порта, то есть им негде было пересекаться. Ему не за что было его уважать, да и в принципе в мире было не так много человек, которых Тай действительно уважал, и добиться от него признания было немного сложнее, чем сдвинуть гору. С другой стороны, вернувшись из порта после инцидента с сердечным приступом лунтао, сяочжу постоянно крутился в делах семьи, даже в одиночку убрал нескольких неугодных людей, а в последнее время набирал свою команду. Задания он получал от самого лунтао, с остальными пересекался только на тренировках, то есть вроде как и был в людях, но продолжал держаться особняком ото всех.

- Восьмой час, - посмотрев на наручные часы, ответил Тай, впрочем, не сильно надеясь на то, что пьяному в дупло Сяочжу это о чем-то скажет. Подбежала официантка, решив, что Тай собирается составить компанию Сину, но тот махнул рукой на стол, велел все убирать, потому что банкет окончен. - Тебе достаточно, царевич. Я отвезу тебя домой.

Прозвучало так, словно он любовницу до дома собирается подкинуть, и Тай сшиб брови на переносице, нахмурившись. Ему даже было неинтересно, будет ли царевич сопротивляться и возбужать, требуя продолжения праздника.

- Надеюсь, ты в состоянии идти сам? - спросил он, не очень ожидая положительного

ответа.

Син Чжу

Син пристально посмотрел на Тая и помрачнел, если было куда еще, услышав пренебрежительное обращение, которое его всегда бесило. Он даже умудрился отучить от этого Феникса, но Тай явно не считал, что слово Сина для него что-либо значило. Значит, приехал не по своей воле. Син толком не общался с Таем. Знал, что отец очень доверял близнецам, наверняка он и прислал его сюда. Но Сину было дурно от одной мысли, что сейчас нужно подняться и ехать домой. И еще хуже, что несмотря на двое суток без сна, он еще не засыпал, и ему предстояло остаться дома наедине с собой и собственными мыслями. Только Тай был не тот человек, кому хотелось все это объяснять. Ломаться, спорить, и в итоге все равно прийти к тому, что приказы отца не обсуждаются. Син поднялся из-за стола, вцепившись в край столешницы. В теле опьянение было куда более явным, чем в голове.

- Тебя отец прислал? - спросил Син.

Он пока стоял на месте, пытаясь унять вертолеты перед тем, как сделать хотя бы пару шагов в сторону выхода из кабинета. Желательно еще и так, чтобы по дороге не вывернуло наизнанку. Если бы Тай не приехал Син предпочел бы остаться в Ванцзы до утра, а там решать, что делать.

Тай Чун

Тай заметил, как скривился сяолунтао, услышав про царевича, но ему было не до обид и тем более не до нежных чувств посторонних, когда он хочет вернуться домой и провести вечер с Ким Чжан, а не развозя по домам пьяные и условно живые тела.

- Так принципиально, кто меня прислал? - спросил Тай, когда сяолунтао даже встал из-за стола, цепляясь за столешницу. Чемпион в легком весе по русскому троеборью - подъем-переворот стакана, выход силы из-за стола и стойка на ногах. - Да, лунтао.

Сейчас Чжу Син очень хорошо напоминал Тая его младшенького, те же театральные страдания, чтобы все видели. Только этим двоим могло прийти в голову убиваться в публичном месте на глазах у толпы официанток, которые любят сплетни даже сильнее чем деньги, и кучи прочих сорок девятых и синих фонарей, милостиво допущенных в святая святых. Зато потом будут передаваться легенды о том, что наследник выползал из Ванцзы на бровях, и будут гадать, почем зря, о причине столь обильных возлияний, потому что ежу понятно, что не от великой радости он так набрался.

Выглядел наследник так, что только тазик подставляй. Тай даже сделал шаг в сторону, чтобы если что, то не испортить надетый на нем светлый джемпер. В кои-то веки как чувствовал, надел не костюм, а то бы испортить его было бы втройне неприятнее. Надо бы было хотя бы попытаться выглядеть как минимум дружелюбно и попытаться наладить с будущим крестным отцом отношения, но как-то не срослось.

Син Чжу

- Принципиально, - ответил Син.

Если бы Тая послал не отец, можно было отказаться от этой внезапной помощи, выпить еще сколько-то виски и остаться здесь спать. Син не думал, что кто-то из близнецов Чун, тем более Тай, решит по доброй воле провожать его из Ванцзы до дома. Его с ними формально братские отношения ограничивались тем, что они произносили в числе тридцати шести клятв, которые не принуждали их дружить.

Син вышел из-за стола и, сильно шатаясь, пошел к выходу. Сейчас ему стоило немалых усилий держаться на ногах, хотя в трезвом состоянии он бы без проблем преодолел это расстояние на руках. Син бесился. Тай, в отличие от официанток в Ванцзы, не был тем, кого можно просто игнорировать. Слава небесам, что он был неразговорчив и не лез в расспросы. Син не знал, был ли Тай в курсе того, что случилось с отрядом. Тео он отправил всю информацию по электронной почте.

- Поехали, - сказал Син. - Заберешь у Сянпу оружие?

Пистолет и заточку он сдал на входе, как требовали местные правила, но эти правила также не позволяли возвращать оружие тем, кто был заметно пьян, а Сину не улыбалось завтра сюда возвращаться, хотя все равно придется забирать машину.

Тай Чун

Чжу Син явно считал, что он достаточно трезв, чтобы показывать норы, Чун Тай считал, что ему по-барабану, кто такой Чжу Син, хоть реинкарнация Будды Гаутамы, но если ему велено доставить его домой, то царевич может хоть рогом упереться, Тай ему эти рога обломает и довезет куда нужно. Даже если бы приказ исходил не от самого большого босса, а от кого-то из боссов поменьше.

Он вышел из отдельного кабинета следом за сяолунтао, и, пока тот греб к выходу, забрал у охраны его и свое оружие, но у него не было заточки, потому как она была ему особо ни к чему. Достаточно было иметь доступ к чему-то каменному, даже к обычной кафельной плитке, чтобы превратить ее в оружие. Хотя ему никогда не приходилось использовать керамическую плитку для таких целей. Эта идея показалась ему странной, но интересной.

Оружие царевича ему отдали без проблем, Сянпу, выглядящий совершенно добродушно, несмотря на колоритную внешность и заметные габариты, упакованные в черный классического кроя костюм, пожелал хорошего вечера. Тай бы даже подумал, что он издевается, если бы не был уверен, что толстяк говорит совершенно искренне. Они подошли к темно-синей Тойоте, и Тай нехотючи подумал о том, что он только вчера вымыл машину и пропылесосил салон, и ему стало почти что тоскливо.

Лунтао назвал ему адрес, куда нужно ехать, если окажется, что наследник не может связать и двух слов. Отсюда было не так далеко, но в это время суток Пекин всегда стоял в пробках.

Син Чжу

Перед тем, как садиться в машину, Син задержался на улице, дыша холодным зимним воздухом, который помогал бороться с тошнотой. Но он не хотел сильно задерживаться, потому что Тай не был той компанией, в которой хотелось приходить в себя. Лучше было скорее добраться до дома и освободить сына фу шан шу от необходимости с ним нянчиться. Син не хотел, чтобы Тай ему сочувствовал или старался его понять. Сейчас он считал, что его скорее бы понял отец Тая, потому что живо вспомнил, как тот приехал после битвы с кантонцами. Сам Син тогда полдня просидел с винтовкой на чердаке и считал себя серьезным и взрослым, но стоило ему увидеть раненого Гунмао, как он сполз по стеночке. Но при этом Син считал, что в случившемся только его вина. Та, которую никак нельзя исправить, потому что нет ничего неисправимее смерти.

Син сел в машину Тая. Будь рядом Феникс, он бы стал с ним говорить. Люди не могут существовать автономно. Иногда им нужно, чтобы их слышали. Син даже подумал, что будь это кто угодно, только не Чун Тай, он бы что-то сказал. Потому что плохо, страшно, больно, и рядом нет ни единого человека из тех, кто последнее время был рядом всегда. Он даже подумал, не попросить ли Тая ехать в дом отца, но все же не стал. Там слишком много людей. Син пристегнул ремень и просто сказал Таю адрес, где находилась его съемная квартира.

Тай Чун

Тай вырулил на дорогу, затем на ближайшем светофоре повернул налево, затем перестроился в средний ряд и обогнал плетущуюся впереди древнюю развалюху, непонятно как еще вообще ездившую. Включил музыку, чтобы заполнить повисшую тишину, которую ему совершенно не хотелось нарушать разговорами. Он был не мастак говорить, и тем более не считал, что способен понять чувства царевича, который, помимо того, что был изрядно пьян, был мрачнее тучи. Хотя он и раньше был не сильно улыбчивым, насколько помнил старший из близнецов.

Естественно, он знал о причине, которая побудила сяолунтао в одиночку глушить вискарь, практически его не заедая. Таю тоже приходилось и убивать других и терять своих людей - последний раз в Кандагаре, когда пришлось спасать хирургов из черти знает откуда, и это перед тем, как они пару дней искали их по всему Афганистану. Но Таю было проще. Он привык не привязываться к людям, и не подпускал их настолько близко, чтобы потом можно было жалеть об их потере. Он научился этому еще в детстве, и с тех пор это не раз спасало ему его нервы. Да, было неприятно терять тех, с кем ты работаешь, кого хорошо знаешь, с кем привык здороваться или обсуждать что-то между делом, но ему было не настолько хреново. Он знал, что потери неминуемы, более того, Тай с циничной ясностью знал, что есть такое понятие как пушечное мясо. И хоть он надеялся, что ему никогда не придется с ним столкнуться в реальности, его никогда не покидала мысль, что он сам выбрал этот путь. Что теперь он не имеет права убиваться и показывать слабинку, что лучше забиться в темный угол и переждать приступ острой тоски там, чем на виду у всех. Дневник лунтао, прочитанный им и даже скопированный несколькими страницами, дал ему понять, что от него всегда будут зависеть люди, и он должен перед ними всегда держать лицо. Особенно теперь, когда на нем была обязанность набирать новых людей.

- Аспирин у тебя в квартире есть? - спросил он, выворачивая на шоссе, где можно

было объехать часть пробок.

Син Чжу

Тай вел машину быстро и аккуратно, Син подумал, что примерно так водил он сам, когда был в состоянии это делать. Сейчас он справлялся с тошнотой, надеясь, что Таю не придется чистить салон машины. Ехать было довольно близко, и вся надежда была на это. Вертолеты продолжали одолевать. Син чувствовал, что очень пьян, но также чувствовал, что все еще не может отключиться. И смотрел в окно на пролетавшие мимо дома, торговые центры и развязки.

- Да, где-то был, - ответил Син.

Он крайне редко напивался, но все равно держал дома средства, которые помогали от похмелья, на случай чего. Во время учебы в Англии Син пил куда больше, да еще и баловался разными веществами, но в Пекине вел себя куда приличнее. Он почти не пил крепкий алкоголь, предпочитая китайское пиво, которое было довольно слабым и просто позволяло поддерживать компанию пьющих. Сегодняшний случай был особенным, сегодня он пил, чтобы нажраться и отключиться, но, видимо, алкоголь был слабее адреналина.

- Прости, что отец тебя вызвал, - сказал Син. - Я мог бы проспаться и в Ванцзы.

Тай Чун

Тай кивнул, не отрывая взгляда от дороги, и благодаря небеса за то, что это лишает его необходимости смотреть на сяолунтао, который то зеленел, то бледнел, то, кажется, иногда принимал благородный синеватый оттенок.

- Считаешь, что вид набравшегося лунтао, который наутро просыпается в кабаке, вселяет в людей уверенность и способствует доверию? - в ответ прямо спросил Тай, которому не сдались эти извинения, потому что не сяолунтао вызывал, а большой босс, стало быть, и не сяолунтао за него извиняться. Он не пытался щадить ничьи чувства. Царевич может обижаться, как девочка, дуться и хмуриться, но так его со стороны видит Тай, и это была его суровая реальность.

Нужно было быть честным с самим собой - когда-нибудь царевич из сяолунтао превратится в лунтао, и это - только вопрос времени, и Таю придется с ним работать. Будущему лунтао, даже если сейчас он пока еще сяо, хотелось доверять. Хотелось знать, что он всегда будет держать ситуацию под контролем, а не набираться втихаря всякий раз, когда что-то пошло не так. Пока ни доверия, ни этого знания не было. Также стоило быть честным и в том, что Тай уже не сможет выйти из семьи, если сяолунтао, а впоследствии и лунтао не будет его устраивать. Потому что от него будут зависеть люди. Потому что он уже слишком глубоко в этом сидит, чтобы все бросать.

Син Чжу

- Я считаю, что большинству людей насрать, почему я набираюсь сейчас в Ванцзы, - ответил Син.

Он придерживался мнения, что люди его отца в большинстве своем не воспринимали его всерьез. Смотрели как на человека, который только учится чего-то из себя представлять на изнанке Пекина. Они его не знали, он их знал, но недостаточно хорошо, хоть ко многим трехзначным присматривался с детства.

Син сдержался, не сказав ничего о вечно пьяном фу шан шу. Он знал, что у Гунмао была слабость к алкоголю, что отец его в этом все время контролировал, но что при этом никто не считал, что Гунмао слаб, если он догонялся вискарем в Ванцзы, у себя или в доме лунтао, когда ему это было необходимо, максимум - обсуждали, что собственная жена не пускала его дальше дивана. Как бы пьян ни был Син, он понимал, где находится край, за который не следовало заступать.

- И я - не лунтао. Даже не четыреста двадцать шестой. Я - сорок девятый, как и ты, кем бы ни были наши отцы, - сказал Син.

Тай Чун

Таю на мгновение показалось, что рядом сидит не Чжу Син, а Чун Тео, он даже повернул голову убедиться, что ему только показалось, и это не его брат-близнец прикидывается сяолунтао. Но нет, точно сяолунтао, Тай-то был абсолютно трезв и зрение его еще никогда не подводило. Но любо-дорого послушать, та же позиция жертвы, когда все вокруг жестокие и равнодушные люди, а я хорошенький и непонятый с тонкой душевной организацией. Тай даже хмыкнул, настолько его пробрало зло.

- А тебе надо, чтоб тебя жалели, зная причину? - сказал он прежде, чем подумал, что для него было совершенно несвойственно. Он тут же пожалел, что вообще развил этот разговор. Надо было молчать. Молчать всегда бывает хорошо. Можно за умного сойти.

В конце концов, не его дело, почему сяолунтао и правда набирается в Ванцзы. Он ему не нянька и не личный психотерапевт, чтобы вытаскивать того из дерьма, в которое он добровольно лезет. Тай не был ему ничем обязан, чтобы пытаться вернуть долг какой-то помощью, он всего лишь выполнял приказ лунтао и в нем ничего не говорилось о том, чтобы выслушивать обидки царевича. У него и своих проблем навалом и начать надо с того, что опять нужны люди, которых пока непонятно, где искать.

- Но ты *будешь* лунтао, - вдруг успокоившись, буднично, но с уверенностью, которая могла бы свернуть и горы, заметил Тай, потому что так будет правильно, и менять порядок никто не собирается. Пусть царевич сам думает, что ему теперь делать.

Син Чжу

- Мне не надо, чтобы меня жалели, - огрызнулся Син. - Мне надо, чтобы меня оставили в покое. Я не спал двое суток, хочу набраться и заснуть. Больше ничего.

Он решил, что сказал Таю больше, чем хотел. Дорога до дома оказалась слишком долгой, потому что Пекин, как всегда, стоял в бесконечных пробках.

Син не любил все эти разговоры о том, что он станет лунтао. Его злило, когда его

вечно оценивали, достаточно ли он хорош, чтобы быть сыном своего отца. Даже если недостаточно, других не было, оставалось выбирать из того, что есть. Син знал, что сейчас отец на его стороне, но это было между ними двоими. На время операции отец оставил за главного Гунмао, Тай наверняка это знал. Этого должно было быть достаточно, чтобы отдельно не объяснял, считал ли лунтао своего сына готовым занять место драконьей головы в случае чего.

- Если ты, похоронив шесть из семи своих людей мог бы держать лицо, считай, что я тобой восхищен. Я не могу. Я недостаточно хорош, чтобы стать лунтао? Пусть так, других нет, - сказал Син.

Тай Чун

- Тогда и не веди себя так, чтобы тебя хотелось жалеть, - в ответ рявкнул Тай, хотя сейчас ему хотелось больше его прибить и вышвырнуть из машины, чем жалеть, что бедного сяолунтао не ценят, не понимают. Высказавшись, Тай замолчал, уставившись на дорогу. Ему больше нечего было сказать и не хотелось ничего говорить. Они были слишком разными и не знали друг друга, чтобы у них получился разговор по душам, который им обоим был совершенно не нужен.

Было бы глупо примерять на себя ситуацию, в которой оказался сяолунтао, потому что у Тая не было отряда своих людей, собственноручно подобранных, но у него были люди, с которыми он работал чаще других, у него был брат-близнец, который вечно находил на свою голову неприятности, у него была мать и две младшие сестры, и он должен был из шкуры вон вылезть, чтобы их защитить. В конце концов, у него был и отец, и он уже даже при всем желании казаться молодым таковым не являлся. И он не хотела представлять себе, что было бы, если бы он больше не смог увидеть возле себя Тео, вечного балагура и всеобщего любимца, всегда в хорошем настроении и умеющего это настроение тебе обеспечить. Что было бы, если бы больше не стало отца или матери, если бы он подверг опасности Янлин или Айлин.

Но его бесила позиция царевича. Или бесил сам царевич, Тай пока не мог разобрать. Он съехал с шоссе и через несколько минут они оказались на нужном адресе, хотя и пришлось проехать по каким-то дворам, чтобы объехать пробку.

- На месте, - сказал он, выходя из машины, чтобы проводить - слово-то какое мерзкое - сяолунтао до квартиры.

Син Чжу

- Тебя не спросил, как мне себя вести, - огрызнулся Син.

Он отстегнул ремень и вышел из машины. Ноги все еще держали не уверенно, и вертолеты то и дело догоняли, норовя сбить с ног. Но Син старался держаться прямо. На улице было холодно, это немного отрезвляло. С одной стороны, так было бы сложнее заснуть, с другой, было больше шансов добраться до квартиры без помощи Тая, пререкаться с которым хотелось меньше всего. Син отошел от машины, чувствуя, что голова закружилась сильнее. Он вцепился в какое-то дерево, чтобы не упасть, когда его все-таки вывернуло на засыпавший двор снег. Он хотел не быть здесь. А лучше не быть вообще. Син постарался выпрямиться и

восстановить дыхание. Он хотел послать Тая к чертовой матери, заявив, что дойдет до квартиры сам, что сделал бы, если бы сейчас отлип от дерева. Но в нынешнем положении ему оставалось только молчать и сражаться с вертолетами.

Какого черта отец не мог оставить его в покое до завтра, послав Тая? Что бы изменилось, останься он до утра в Ванцзы, можно подумать, что он был бы первым, кто так приходил в себя после заданий.

Тай Чун

Тай сдержался и не послал по бабушке, хотя очень хотелось. Понял, что перед ним не Тео, хотя и сильно напоминает, а, значит, нечего метать бисер перед свиньями. Он наблюдал за тем, как сяолунтао идет по двору, колышась на ветру, а потом обнимается с каким-то деревом. Будущее пекинской триады, где тут можно свечку за упокой поставить. И рассуждал между делом, что ему будет за то, что он болезного прямо тут прикопает под этим самым деревцем, а потом скажет, что так оно и было? Мысль была заманчивой, даже приятной в какой-то мере. Грела душу.

"Не трви дерево, убогий, оно-то в чем виновато" - хотел сказать Тай в спину сяолунтао, вывернувшегося наизнанку, но снова промолчал. Зато вполголоса выругался, когда понял, что ему придется вести наследника до квартиры буквально на себе. Ни одного плохого слова в адрес тай ло, отправившего его сюда. Он мог бы быть уже дома под боком у Ким Чжан, но нет, это ведь слишком просто.

- Давай уже, отваливай от дерева и пошли. Быстрее дойдем до квартиры, быстрее друг от друга избавимся, - негромко сказал Тай, подставляя сяолунтао плечо. Может, вырубить его совсем, глядишь, сговорчивее будет. И тащить проще, взвалил на спину и неси. Он поклялся себе, что эта история вместе с ним уйдет в могилу, что ему пришлось забирать пьяного сяолунтао из кабака и везти домой, по дороге еще и пререкаясь, опустившись до его уровня. Вот что значит работать без выходных.

Син Чжу

Как бы ни хотелось сделать гордый вид, Сину все же пришлось опереться о Тая, чтобы дойти до подъезда. Он был согласен со своим провожатым лишь в том, что чем быстрее они друг от друга избавятся, тем лучше будет обоим. Син зашел в подъезд и набрал код. Дверь открылась, и они с Таем зашли внутрь. Свет казался слишком ярким, но этот дом был значительно проще тех, где жили трехзначные номера. Син вызвал лифт, и они поднялись на пятый этаж. На площадке перед лифтом мелькала перегоравшая лампочка. Син достал ключи и открыл сначала дверь общего холла, где стояли велосипеды и коробки с каким-то хламом, затем дверь своей квартиры, в которой он не был с тех пор, как уехал в командировку. Син зажег свет.

Обычно у него был порядок, который сейчас нарушали лишь пара свитеров на кровати, которые он бросил там, пока собирал чемодан. Все, что он брал с собой, осталось в багажнике его машины, стоявшей у клуба, и могло пролежать там еще пару дней. Син открыл верхние створки шкафа в прихожей и набрал код сейфа. Оружие все еще оставалось у Тая, но вряд ли он решит оставить его у себя до тех пор, пока Син протрезвеет, найдя новый повод для встречи. В сейфе лежала пара запасных обоев и конверт с наличными деньгами. В целом, по квартире было видно,

что Син жил на средства, которые зарабатывал как сорок девятый, а не как сын пекинского лунтао.

- Отдай оружие, до кровати я дойду сам, - сказал Син.

В этот момент ему пришло сообщение, и он, не сразу найдя телефон в кармане, все же его прочитал. Первый раз за двое суток на лице Сина проскользнуло подобие улыбки - писал Феникс, просил привезти сигареты. Син зажмурился. Он не хотел, чтобы Тай снова высказывал, что будущий лунтао не имеет права на эмоции.

Тай Чун

Тай бы точно его вырубил по темечку, если бы начал выеживаться. Но даже пьяному Сину хватило ума тут не спорить, так что они быстро пересекли двор, вошли в подъезд дома и поднялись на нужный этаж. Тай не особо рассматривал убранство квартиры, ему это было неинтересно, хоть и не мог не заметить, что живет наследник без роскошеств, какие можно бы было ожидать от сяна пекинского лунтао, наверняка привыкшего жить хорошо. Впрочем, Тай тут же ыбросил эти наблюдения из головы, сюда добровольно не рвался и оставаться дольше положенного не горел желанием.

- Да неужто я пойду еще и до кровати тебя провожать, - фыркнул старший из близнецов, когда Син открыл сейф. - Не маленький, не заблудишься.

Он достал пистолет Сина и его заточку, хотя не был уверен, что это хорошая идея - отдавать оружие ему в руки, но нянчиться больше, чем следовало, не входило в его планы. Он его из Ванцзы забрал? Забрал. До дома довез? Довез. А что в доме будет происходить - его не касается. Так что не обременяя себя излишними вопросами морали и совести, отдал оружие сяолунтао. Хочет - пусть хоть вены режет, хоть пулю в лоб пускает. Он сделал вид, что не заметил, как тот читает что-то в телефоне. Тай по природе не был любопытен.

- Как проспишься - лунтао позвони, - перед уходом напомнил Тай, и ему было все равно, вспомнит об этом Чжу Син утром или нет. Не хватало еще записаться в его личные секретари и постоянно зудеть над ухом о том, что нужно сделать, а чего делать не стоит.

Син Чжу

Син забрал у Тая оружие и убрал все в сейф, после чего закрыл дверцу шкафа. Это все делалось на автопилоте, хотя у него дома обычно никого не бывало. Син лишь кивнул на слова Тая о том, что нужно будет позвонить отцу. Отец позвонит сам еще до того, как удастся проснуться тяжким похмельным утром, уже проходили.

- Угу, спасибо, - ответил Син и подошел к двери, чтобы закрыть её за Таем.

Он чувствовал себя хуже некуда, и не знал, пытаться ли заснуть или забраться в душ надолго, пока не отпустят вертолеты. В холодильнике было пиво, в одном из кухонных шкафов наверняка была бутылка виски, а то и не одна. Но алкоголь не помогал заснуть, от него будет только еще хуже утром.

Син бесился, на себя, на отца и на Тая, который мог бы просто помолчать, как, говорят, он умел. Син снял куртку, разулся, зашел в комнату и сел на пол, прислонившись спиной к дивану. Он даже не включал в комнате свет. Того, что горел в прихожей, было достаточно, чтобы видеть комнату. Син стал тупо рассматривать стену перед собой. Спать не хотелось.
